

ГРУСТНАЯ БУСЫ

АВТОР
АНЯ ПЧЕЛКИНА

18+

18+

Аня Пчёлкина
Грустная Бу

«Автор»

2026

Пчёлкина А.

Грустная Бу / А. Пчёлкина — «Автор», 2026

Бу двадцать шесть. Девять лет она провела в психиатрическом отделении. Теперь её выписывают домой. Дом она почти не помнит. Себя до семнадцати тоже. Из прошлого у Бу осталась только тетрадь. В ней детские записи, странные правила и имя, которое повторяется снова и снова. ГРУСТНАЯ БУ. Бу пытается понять, что происходило с ней в детстве и почему люди, которые её знали, не хотят говорить о прошлом. Но чем дольше она остаётся в старой квартире, тем труднее отличить забытое от того, чего не должно быть вовсе.

© Пчёлкина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Адрес на руке	5
Глава вторая. Двенадцать	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Грустная Бу

Глава первая. Адрес на руке

Все звали меня Бу. Имя было написано в карте, но, когда врач разворачивала её ко мне, я смотрела на скрепку. Потом она убирала папку, и я злилась: опять не прочитала.

В отделении я провела девять лет. При поступлении мне было семнадцать. Это я знаю из выписки. По своим подсчётам у меня выходило то два года, то одиннадцать: я считала зиму, потом обнаруживала за окном зелёное и не знала, была ли между ними ещё одна.

Утром давали стаканчик с таблетками, вечером давали стаканчик. Между ними — столовая и телевизор. У телевизора всегда кто-нибудь сидел. Однажды я выключила звук и осталась рядом. До ужина никто не попросил включить.

По ночам санитарка Валя обходила палаты. У неё скрипела правая туфля. Она доходила до окна в конце коридора и возвращалась; скрип приближался, проходил мимо, удалялся.

Другие шаги останавливались у моей двери.

Три ночи подряд стояли и уходили. На четвёртую оставались до утра. Тогда я поворачивалась к стене и прятала кисти под бёдра. Не помню, кто меня этому научил. Однажды Валя утром спросила, отчего у меня пальцы синие.

Про шаги я ей не сказала.

Перед выпиской пришёл Лёша. Я его не узнала, но, когда он сел верхом на стул, стало легче. Здесь все садились одинаково: ноги вместе, ладони на коленях. Этот сразу чуть не опрокинулся.

— Бу, как ты?

Смотрел он на мою левую бровь. Я потрогала её — ничего там не было.

— Нормально, Лёша.

Он покивал. Потом ещё. Вопросы у нас кончились.

— Я тебе привёз.

В пакете были мандарины. Сестра попросила оставить на посту. Лёша отнёс, вернулся, опять сел верхом.

— А почему Бу?

— Ты не помнишь?

— Я же тебе сказала.

Он улыбнулся и подождал, когда улыбнусь я.

— Ты всё детство ревела. Мы во дворе, ты дома — слышно. Вот и прозвали. Грустная Бу.

— Каждый день?

— Ну почти.

Я спросила, не обижал ли меня кто.

— Не. Тебя не трогали.

— Почему?

— Бу защищал.

Он потянулся к пакету, которого под стулом уже не было. Я подождала, но он не поправился.

Потом рассказывал про наш дом. Во дворе были две качели, одна без сиденья, только цепи. Зимой заливали каток, весной на его месте оставалась яма, и кто-нибудь обязательно топил там ботинок. За двором — голубятня. Завод раньше гудел по сменам; когда перестал, люди ещё долго выходили на улицу не вовремя.

— А где это?

Лёша начал смеяться. Я смотрела на него, пока он не перестал. Тогда он попросил у сестры ручку и написал адрес у меня на запястье. Ручка плохо писала по коже. Он дважды обвёл номер дома и подул на чернила, чтобы подсохли.

Я не мыла эту руку до самой выписки. Адрес можно было переписать, но бумагу забирали, теряли, подшивали. Руку оставляли мне.

Доктор ехал в район на выходные и предложил довести. Сказал: вещи собирайте, документы на посту. Я спросила, когда обратно.

— Теперь вы дома, — сказал он.

Мне было двадцать шесть.

Ещё мне отдали вещи.

Кофта, которая мне теперь мала. Расчёска.

Паспорт в прозрачной обложке, выписка, механические часы.

И тетрадь.

Восемнадцать листов в клетку, без обложки. В неё были вложены ещё листы, сложенные вчетверо; из сгиба сыпалась бумажная труха. На первой странице взрослой рукой написано: «Бу». С тетрадью скрепили три копии старых бесед. На верхней стоял номер моей карты — 1147.

ПрИвЕТ! БаБУ бУ

Нижнее «бу» было обведено несколько раз. Бумага в середине протёрлась.

Дальше страница, где просто:

МА ма ма МААМ МАМА

Дальше ещё:

ПАПА

ПА

ПА ПА

кот

кот сидит

кот ни сидит

Потом целый разворот, где нет букв. Палки, кружки, что-то вроде домика без окон. Один кружок покрашен чёрным до дырки в бумаге, и чёрное отпечаталось на следующей странице, и на следующей за ней, и на третьей, слабее, но видно. И дальше, уже почти внизу, мелко, в самом углу:

бу грусная

Сбоку взрослой рукой: «Три года». Имя на первой странице написано теми же чернилами.

Ночью я трогала адрес на руке. В складках чернила остались тёмными, на косточке почти сошли. Я боялась, что к утру пропадёт номер квартиры.

Врач вёз меня три часа. Один раз спросил, уверена ли я в адресе. Я показала руку. Он вздохнул и приоткрыл окно.

Я ждала, что начну узнавать дорогу. Поля, лес, свалка, гаражи. У гаражей мужик мыл машину из ведра. Когда мы проехали, он остался стоять с мокрой тряпкой. Я видела его в боковом зеркале, пока не повернули.

Труба полосатая, красная с белым, не дымит. У корпусов выбиты окна через одно; в целых ещё висели бумажные полоски, которыми рамы заклеивали на зиму.

Там отец делал вентиляторы.

Лёша сказал: промышленные, большие. Из своего я помнила только отцову спину на кухне. Я стою за ним, он знает, что я здесь, но не поворачивается. Долгое воспоминание, ничего в нём не происходит.

В доме пять этажей. В первый вечер я насчитала шесть освещённых окон. Остальные оставались чёрными и после десяти.

Доктор высадил меня у арки. Две старухи на лавочке проводили меня глазами до подъезда. Я поздоровалась; одна подвинула к себе сумку.

На качелях действительно не было сиденья. Я ждала, что сейчас вспомню, как каталась. В отделении даже репетировала: приеду, вспомню, заплачу. Сначала всё это происходило во дворе, потом сразу на пороге. Здесь мне хотелось в туалет и было жалко, что врач уже уехал.

Подъезд открытый, домофона нет, дырка и провода. Пахнет сыростью и чем-то жареным с первого этажа, и от запаха внутри дёрнулось, но не вспомнилось ничего, просто ноги пошли тише.

Между вторым и третьим я услышала, что снизу тоже идут. Шаг в шаг со мной, только чуть позже. Я остановилась. Оно остановилось. Я пошла, и оно пошло.

Ну мало ли, дом старый, гулкий. Даже наклонилась через перила посмотреть.

Пусто до самого низа. Лампочка на первом горит, всё видно.

Снизу сказали: девочка.

Я вцепилась в перила и пошла вверх. Смотрела только вверх.

Дверь квартиры номер семь была не заперта. Я потянула её. Оторванная цепочка звякнула с той стороны.

Внутри светло, а я ждала темноту, я себе всю дорогу рисовала темноту. Окна голые, пыль и солнце, и пылинки эти летают, красиво даже.

Обои порваны.

Ключьями, где до штукатурки, где только верхний слой, а под ним другие постарее в цветочек, под теми газета. Внизу порваны,верху целые. Я приложила руку, чтобы понять, докуда, и рука ушла выше.

Фотографии, четыре штуки, гвоздей шесть. На одной стекло треснуло через лицо.

Женщина. Волосы тёмные назад, лоб высокий, стоит у стола, на столе торт со свечками, в руках нож.

Не улыбается.

Я пересмотрела все четыре. День рождения, ноябрьские, кто-то в костюме, море с полосатым лежаком. Нигде.

Видимо, мама.

Я сняла фотографию и поднесла ближе. Женщина держала нож над тортом, придерживая его остриё пальцем. Она смотрела мимо фотографа. Я пыталась узнать хотя бы этот взгляд.

Вернула рамку на гвоздь. Она встала криво. Поправлять не захотелось.

На кухне стол, на столе банка с сухими стеблями. Ящик выдвинут, в нём вилки. Одной не хватало: на дне между четырьмя пыльными отпечаталось чистое место.

В ванной я открыла кран, вода пошла ржавая и долго не светлела. Пока ждала, посмотрела в раковину.

В раковине лежал волос. Длинный, тёмный, гладкий, я его вынула и растянула между пальцами, он получился мне от локтя до пальцев.

Смыла. Вернее попыталась, он крутился и цеплялся и не уходил, и я стояла и смотрела на это как дура, и смывала ещё, и на третий раз он ушёл.

Над батареей в коридоре обои были целые.

Прошла по квартире просто чтобы прошагать её всю, из кухни в комнату и обратно, и на третьем круге поймала себя на том, что слушаю пол.

Тут паркет, старый, он щёлкает под пяткой. Щёлкает подо мной и ещё раз щёлкает после меня, через полшага, в другом конце коридора. Я встала. Пол щёлкнул ещё один раз и перестал.

Я прошла ещё раз, медленнее. Пол подо мной щёлкал; позади — уже нет.

Всё равно вышла в подъезд и постояла на площадке минут пять, и вернулась только, когда замёрзла.

Села на пол спиной к батарее. Открыла тетрадь.

Глава вторая. Двенадцать

Четыре года:

сиводня папа принис кампютир. он балишой как тилевизар и гудит.

кампютир стаит на кухни на табуретки потому что в комнате розетка сгарела

Розетку я нашла, она чёрная ахахха до сих пор.

я нарисавала бу. бу зилёная но я делала синим патамушта зилёный кончился

мама сказала не сиди близка глаза виснут

Над словом «виснут» я нарисовала ~~два глаза~~ на длинных нитках.

у мамы валасы назат

Я подняла голову. Волосы назад.

я сматрела на маму долга и она нискока ни двигалась. мама умеит так

у папы сачилсь ~~кетчуп~~ из глаз

я долга смиялась

бу тоже смиялась

патом папа лижал в каридори и я нарисавала вакруг нево цвиточки

утрам он встал и пашол на работу и ничево ни сказал

Папа лежит, вокруг цветочки. Я поднесла страницу к окну: в уголке был рисунок. У лежащего человека обе руки подняты к лицу.

бу прихолит када никаво нету

бу гаварит грусная бу

я гаварю привет

Лёша говорил, что прозвали во дворе. Я вернулась на страницу назад. Там было двое: я смеялась и Бу тоже смеялась. Имя на первой странице написали с большой буквы. Внутри — одинаково.

В комнате оставалась дверь, которую я ещё не открывала. Я положила тетрадь на пол и подошла к ней.

Дверь была закрашена вместе с косяком.

Кто-то прошёл валиком прямо по щели. Краска склеила дверь с рамой. Дёрнула, она чмокнула и отошла, и по краю потянулись белые нитки. Комната маленькая. Окно, батарея, кровать без матраса, шкаф без одной дверцы, тумбочка. На тумбочке стоит прислонённое к стене зеркало. Просто кусок стекла с фаской, такие выламывают из старой мебели.

Шкаф первый.

С внутренней стороны дверцы, там, где вешают одежду и никто не смотрит, было вырезано

ГРУСТНАЯ БУ

Глубоко. Именно вырезано, дерево вынуто, буквы с тенью. У буквы Я не хватало нижней ножки. На подоконнике снаружи, с улицы, увидеть можно только если высунуться и повиснуть вниз головой, я высывалась, там. Между секциями батареи где ладонь не проходит. На дне тумбочки, снизу, пришлось переворачивать. Под подоконником с изнанки. На торце кровати, под матрасом, которого давно нет.

На стенах снаружи надписей не было. Я нашла их там, куда могла пролезть ребёнком: за мебелью, снизу, с обратной стороны. У всех букв Я недоставало одной и той же ножки. Я проверила ногтем и бороздка оборвалась резко.

А потом я взяла зеркало.

Тяжёлое, двумя руками. Развернула к свету.

По стеклу, поперёк, через всё отражение

ГРУСТНАЯ БУ

На стекле не было ни царапины. Я провела ногтем ещё раз. Надпись лежала за стеклом, в серебряном слое; с обратной стороны зеркало было целое, под старым коричневым лаком.

Я положила его на колени. В отражении под словом «грустная» оказался мой рот. Я улыбнулась, чтобы сдвинуть его, но рот остался под надписью — только растянулся.

Своего лица я не узнавала и в отделении. Проверяла: зуб с пломбой мой, шрам на подбородке мой. Сходилось по частям. Здесь я накрыла рукой подбородок и закрыла один глаз. Потом другой. Мне всё время мешала какая-то мелочь, которую я не могла найти.

Зеркало поставила лицом к стене. Пока выходила, повернула обратно. Зачем? вспомнить не смогла.

Тетрадь читала там же, на кровати, пока было светло.

Пять лет:

*я нашла в сирванте рамки. в рамках тёти. я выбрала эту она хорошая. она будет.
я повесила на гвозди. гвоздей шесть а рамак четыре. значит две ещё будут патом.
папа увидел и долга стоял. патом сказал ну ладна.
он ни спросил кто это. даже имя ни спросил*

Я пошла проверить гвозди. Всё сходилось: четыре рамки, два пустых места. Вернулась к тетради. Следующая страница была обведена цветочками.

ПРАВИЛА

- 1. ни аглядываться када завут са спины*
- 2. атвечать только адин раз. если атветить два раза то придёт*
- 3. ни гаварить своё имя вслух*
- 4. если спрашивают сколка тибе лет, гаварить меньше*
- 5. считать надписи каждое васкрисенье*
- 6. ни есть у чужих*
- 7. если смишно то смиятся сразу. если ни смиятся сразу то будет плоха*
- 8. НИКАМУ*

Возле пятого пункта стояли галочки, одна под другой. Последняя съехала в рисунок цветка.

Шесть лет:

*папа принис с завода винтилятар. он гудит и крутится и от него холодна.
папа поставил в каридоре и сказал пусть работаит. я спросила зачем летом ведь и так не жарко. он ни ответил*

када винтилятар шумит бу ни гаварит.

я выключила штобы пагаварить.

*папа пришол и включил и сидел на палу возле него долга и ничево ни сказал мне.
у нас тперь три винтилятара. адин в каридоре адин на кухни адин у миня.*

Табуретка из записи стояла у кровати. На сиденье — три вмятины от ножек вентилятора. винтилятар в маей комнате стаит на табуретки и смотрит на кровать.

я навернула ево к стенке. папа пришол и навернул абратна.

так было четыре раза и на пятый я ни стала

в детском саду нам давали кисель. я вылила свой в батарею штобы ни пить.

васпитательница спросила кто. фсе малчали. я тоже малчала и мне была интиресна.

патом я сказала што эта Витя. Витю ругали.

мне была смишна и я ни знала почиму мне смишна.

бу сказала маладец

Вот это «я ни знала почиму мне смишна» я перечитала два раза и пошла попила воды из-под крана, вода ржавая, я всё равно попила.

Витя ни плакал када ругали а плакал патом в раздевалки адин.

*я стояла и смотрела чтобы панять как эта.
дома я папрабавала так же перед зеркалам. ни палучилась.
бу сказала тибе ни нада
зимой снег и я делала ангила. лижишь и махаешь руками.
палучилось харашо только галава смазаная
я делала ангиллов пака ни кончился двор. их палучилась семнацать.
ночью пашол снег и утрам их ни была.
я вышла и стояла где были. ни абидна. просто стояла
у падъезда сидит бабка Тоня. она гаварит мне здравствуй девочка.
я не аглядываюсь она завёт са спины
бабка Тоня сказала папе што я нихарошая.
папа сказал а вы её ни трогайте и фсё.
я думала он меня будет ругать а он бабку ругал
бу паказала мне где у людей аткрываится.
я папрабавала на кукле. на кукле ни аткрываица. кукла ни настоящия
бу сказала на настоящих аткрываится
я сказала я ни буду. бу сказала ладна.
бу ни абиделась. бу вабще никагда ни абижаица
Я закрыла тетрадь пальцем на этой странице и посидела так. Потом открыла обратно.
васкрисенье. считала.
адин пад тумбачкой. два за батареей. три на падаконики снаружи. чытыри в шкафу. пять
пад ванай. шесть на кровати сзади. семь пад падаконикам снизу. восимь в углу за трубой. девить
на плинтусе у порога. десить на зеркале. адинацать на палу пад кроватью.
адинацать. их двинацать. я знаю што двинацать.
считала три раза. каждый раз адинацать.
адной ни хватает и я ни знаю каторой
я папрасила папу пасчитать. он сказал сколка чиво. я сказала буквы.
он долга сматрел на миня и сказал иди спать.
он ни спросил какие буквы
Семь лет, почерк уже почти ровный:
Бу теперь не говорит здравствуй. Бу говорит тихая бу.
Я спросила почему тихая. Оно не ответило.
Я целый день молчала и поняла.
И ниже, другими чернилами, видно что вернулась позже:
я думала это меня так зовут. а это оно про меня рассказывает
Я закрыла тетрадь.*

Во дворе скрипели качели. Под этот скрип я снова обошла комнату, проверяя места из списка. Возле каждой надписи приседала или ложилась на пол. Только на полу и стало видно, насколько высоко теперь висит зеркало.

Электричества нет, свечей нет, телефон сел ещё в машине. Оставалось окно. Тут в августе светло до половины десятого, потом синеет двор, потом комната, потом остаётся прямоугольник окна и в нём фонарь у голубятни, который горит через раз, где-то контакт отходит. Минуту горит, пять не горит. Я к этому привыкла за один вечер и потом ловила себя что жду. Легла на кровать, на голые доски, куртку подстелила. Кровать короткая, детская, я в неё не помещаюсь. У меня от отца рост.

Спать не хотелось, и я стала считать.

Шкаф раз. Батарея между секциями два. Подоконник снаружи три, тот для которого висеть вниз головой. Подоконник снизу четыре. Дно тумбочки пять. Торек кровати шесть. Ванная изнутри семь. Труба в углу восемь. Плинтус у порога девять, я его нашла только сейчас,

рукой, в темноте. Зеркало десять. Одиннадцатую нашла под кроватью, на полу, головой к стене. Я достала до неё, только прижав щеку к полу. Под кроватью было тесно; плечо упиралось в доску.

Одиннадцать.

Посчитала ещё раз в другом порядке. Одиннадцать. Потом вслух. Одиннадцать.

И когда я сказала вслух одиннадцать, в комнате очень тихо и очень спокойно сказали двенадцать.

Я втянула кисти под бёдра, как в палате. Голос был мой; я слышала его из-под кровати. Рот у меня оставался закрыт. Я осторожно разжала губы и потрогала языком передние зубы.

Одиннадцать так и осталось одиннадцать. Вставала два раза, лазила рукой за батареею и содрала костяшку об секцию, слезила под кровать и вышла в пыли.

Потом сквозь стену пошёл звук.

Ровный, низкий, с дребезгом на одной ноте. Кто-то в соседней включил на ночь вентилятор.

Я лежала и слушала дребезг. Постепенно смогла вынуть руки из-под себя.

Я уснула. Утром разбудила тишина. Полежала, подождала, когда включат обратно. Не включили.

Тогда я встала и пошла на балкон.

В одной балконной раме сохранилось стекло. Другие были пустые; под ними лежали листья, набившиеся за годы. В углу стояло что-то накрытое пальто, драповое, тяжёлое от сырости.

Стащила.

Три вентилятора. Один на подставке, два настольных, зелёные, металлические, с сетчатыми решётками, таких давно не делают. На лопасти одного изнутри, там, где видно только если снять сетку, а я сняла, я уже почему-то знала, что надо снять,

ГРУСТНАЯ БУ

Двенадцать.

Села на пол среди листьев с этой сеткой в руках. Сошлось.

Утром пришла тётя Рита. Постучала, я открыла, и она стоит на площадке с банкой в авоське и молчит. Секунд пять. Я уже начала думать, что надо что-то сказать, а она сказала: ну здравствуй. Я сказала здравствуйте.

— Ты меня не помнишь.

— Не помню.

— Мне говорили. Я думала, врут.

Она вошла и поставила банку на стол, там был суп, я его потом ела два дня. Села. А я осталась стоять, потому что стул один и он уже под ней, и вот стоишь у себя дома как в гостях. Ключ она достала из кармана халата. Обычный, на верёвочке.

— Твой. Я его девять лет держу.

— Зачем?

— Ну а вдруг.

Мы помолчали. Она смотрела на стену с гвоздями, я на неё.

— Тётя Рит, а мама какая была?

Она поставила локти на стол и стала тереть переносицу.

— Да была какая-то женщина.

— А звали как?

— Бу, ну ты чего.

И встала, и пошла на кухню мыть руки, хотя руки у неё были чистые и она их уже мыла при мне минуту назад. Кран пошумел. Она вернулась и заговорила про расселение: нужно

подать бумаги, иначе останусь ни с чем. Пока она говорила, я смотрела на её мокрые рукава. У левого манжета висела капля. Она так и не вытерла руки.

Перед уходом сказала: «Ты бы съездила куда-нибудь, а?» Посмотрела мимо меня, на дверцу детской. Я спросила, часто ли она здесь бывала.

— Была. Один раз.

— И что?

— И всё.

Дверь она придержала, чтобы не хлопнула.

В восьмую я попала в тот же день. На полях тетради рядом с цифрой 8 было написано: «паднять и талкнуть». Я подняла дверь за ручку. Нижний угол прошёл над порогом, и она открылась. Внутри было пусто. Я принялась: даже сыростью не пахло.

Обои были в тот же мелкий цветочек, что у меня под верхним слоем. На стене — пять светлых квадратов: четыре в ряд, один выше. Я записала цифру 5 на руке. Врач оставил мне ручку вместе с выпиской; она снова плохо писала по коже.

Пыль на полу лежала ровно везде, кроме одного места у стены под окном. Там она была примята. Длинным пятном, примерно с человека. Не с меня, покороче. Я померила своей рукой, как обои. Получилось где-то на ребёнка лет семи. Пыль такая садится годами.

Я легла в это пятно. Колени сами подтянулись к животу; правую руку положила под щеку. Так было удобно слушать лестницу. Я знала, что шаги отсюда слышны раньше, чем из-за двери.

Встала, когда заметила, что придерживаю рот свободной рукой.

К голубятне пошла через двор. Она стояла между домом и котельной, обшитая досками и кусками жести.

Дед был там. Сидел на ящике, курил в кулак. Когда я подошла, он сдвинулся на ящике, освобождая место. Я осталась стоять.

— Ага, — сказал дед.

— Здравствуйте.

— Ага.

Он смотрел прямо в лицо. Первый из здешних людей. От этого было так неудобно, что я стала смотреть на его ботинки, и вот тут до меня дошло, что я привыкла.

— Вернулась.

— Вернулась.

— Ну-ну.

Он покурив. Голуби ходили внутри и стучали. Спросила, знал ли он меня маленькой.

— Знал.

— И какая я была?

Он думал долго. Дольше, чем нужно на такой вопрос.

— Тихая.

Меня немного повело. Я стояла и держалась за доску, и надеялась, что он не заметил.

— А ещё?

— А ещё, — сказал он, — ты птицу держала слишком долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.